

своей незавершенности породила, пожалуй, больше вопросов, нежели позволила разрешить. Поэтому не удивительно, что на страницах бесчисленного множества посвященных ей трудов диапазон мнений и оценок колеблется от восторженной идеализации до утверждений о полном и закономерном крахе. Причем, на основании одного и того же фактического и статистического материала делаются подчас диаметрально противоположные выводы. Но даже в таких условиях многие важнейшие аспекты столыпинского реформирования либо не попадают в поле зрения ученых, либо трактуются в русле устаревших стереотипов, которые явно грешат тенденциозностью и нуждаются в переосмыслении с учетом обновившейся источниковой и методологической базы исторических исследований.

Столыпинские преобразования радикально изменили социально-правовые основы землевладения и землепользования крестьян. Однако представлять эти перемены в виде «административной революции», безоглядно ломавшей все традиционные устои общинной деревни и упразднявшей уже сложившиеся формально-правовые нормы во имя новых приоритетов аграрной политики, было бы, по меньшей мере, необъективно. Между тем, исследователи при оценке значения реформы Столыпина в большинстве своем делают особый акцент именно на ее антиобщинные аспекты. Лишь в начале нынешнего столетия увидели свет монографические труды, представляющие более объективный взгляд как на столыпинское земельное законодательство в целом, так и на отдельные стороны его практической реализации¹. В частности, автор одного из них, известный тульский ученый, признанный знаток истории крестьянской общины О.Г. Вронский, отмечает принципиальные компромиссы указа 9 ноября 1906 г. в отношении общины. Так, исполнение наиболее конфликтной, по общему признанию, статьи 12 указа, предоставлявшей владельцу укрепленных полос право требовать выделения причитающейся ему земли к одному месту, допускалось лишь в случае общего передела. В отсутствие такового общество могло компенсировать заявителю стоимость земли деньгами «по взаимному соглашению», а при несогласии — по оценке, устанавливаемой волостным судом. Чрезвычайно затруднялась и процедура перехода общества на отруба в полном составе: для этого требовалась поддержка двух третей крестьян, имевших право голоса на сходе. «Если бы правительство, — пишет исследователь, — действительно вступило на путь повсеместной ликвидации общинного землевладения, то оно должно было ввести в закон требование обязательного выдела наделной земли к одному месту, а также предельно упростить процедуру выхода из общины отдельных хозяев и целых обществ»². Но очевидно, что законодатель в данном случае стремился обеспечить относительный баланс земельных интересов общинного большинства и выделенцев, без чего реформа теряла сколько-нибудь определенную перспективу и могла превратиться в «землерасстройство». По-видимому, связанные с этим опасения побуждали во многом адаптировать государственное законодательство к нормам корпоративного общинного права и даже к принципам права традиционного.

Правовые уступки общине и учет особенностей крестьянского правосознания еще более проявляются в процессе дальнейшего тол-